

© 1999 г. О.Г. ЧУПРЫНА

TEMPORUM OPINIO В ДРЕВНЕМ ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ

Современный человек мало задумывается над тем, что такое время, и замечает его в основном по движению стрелок на циферблате. Чтобы понять представления древних о времени, необходимо вырваться из пределов нынешнего мировосприятия и попытаться осознать иные взгляды на окружающий мир и место человека в нем.

Мифология дала богатейший материал, раскрывший во многом воззрения древних на пространство, время, добро, зло, свое, чужое и иные параметры мироздания, скреплявшие его в древнем сознании в единое целое. В мифах индоевропейских народов время мыслится бесконечным и изначальным; с другой стороны, оно предписывается только земному срединному миру, а в верхнем мире его нет, но "сотворяется" оно там и оттуда отправляется на землю. Земное время конечно и тленно и может уходить назад вверх. Время, как нечто иллюзорное и чувственно неощущаемое, отождествляется с реально сущим и предстает в образе реки, персонифицируется в старца или богиню с прижатыми к губам пальцами и т.д. Перефразируя высказывание О.М. Фрейденберг, глубоко и всесторонне исследовавшей мифологическое сознание в том виде, как оно отражено в литературе отдаленных эпох, можно сказать, что время для древнего человека, отождествлявшего одушевленное и неодушевленное, представлялось и предметом, и человеком, а предмет и человек – временем [Фрейденберг 1978: 103]. Представление о времени могло включаться в общую оппозицию «"мы" – "не мы", в которой "мое" (наше) – это точка отсчета, а что вокруг нее – это не наше» [Маковский 1997: 44].

Древние соотносили время с большим числом объектов действительности. В "Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках" М.М. Маковский пишет, что "время отождествлялось с числом, кругом, с мировым деревом, горой, с земноводными, с водой, с огнем" [Маковский 1996: 103]. В упоминаемой работе исследователь раскрывает глубинные связи между особенностями архаического восприятия времени и языческими символами и действиями. Последние рассматриваются как яркие проявления «стремления "приобщиться" к "божественному" Времени и "вырваться" из "земного" времени» [Маковский 1996: 90]. Нельзя не отметить, что автор словаря приводит энциклопедическую по своей широте библиографию, включающую самые значительные работы по проблеме соотношения архаической языковой ментальности и языческой символики [Маковский 1996: 403–413].

Время неизменно ассоциировалось с пространством и движением; время двигалось либо по кругу, циклично, либо линейно. В разной степени и то, и другое представление было характерно как для мифологического, так и для исторического понимания времени (подробно о соотношении пространственных и временных понятий, а также о циклической и линейной моделях восприятия времени см. Ахундов 1982; Вернадский 1975; Гуревич 1971; Кравченко 1996; Кубрякова 1997; Лотман 1978; Осипов 1978; Першина 1975; Проскурин 1990; Стеблин-Каменский 1971; Топорова 1994; Успенский 1994; Цивьян 1990; Яковлева 1994; Bull 1960; Dombrowszky 1979; Gundlach 1966; Jankowsky 1982; TM 1936; Traugott 1975; TSP 1971; VP 1966; Wierzbicka 1973).

В древнем мировосприятии время столь же значимо, как огонь, вода, воздух, свет,

как Природа. Оно может, как все обитатели Природы, включая человека, быть добрым и злым, своим и чужим.

Естественный временной опыт, преобразованный древним сознанием, предопределил основной семантический признак номинации или внутреннюю форму темпоральных слов. Языковое сознание объединило представление о простейших, чувственно ощущаемых физических действиях и состояниях с представлениями о невидимом, чувственно неосязаемом, но воздействующем на человека и его жизнь времени.

В древнегерманских языках реконструируемая внутренняя форма большинства слов с темпоральным значением соотносится, как показывает исследование Т.В. Топоровой [Топорова 1994], с признаками отделения, соединения – вращения – кручения, измерения, полагания – покоя, установления, роста и ширины. На этапе становления письменной традиции в древнегерманских языках, в частности древнеанглийского языка, внутренняя форма темпоральных слов снашивается и актуальное значение времени, отражаемое в письменных памятниках, оказывается никак не связанным с исходным признаком номинации. Архетип времени, воплощенный в некоторую языковую форму, наполняется содержанием в зависимости от способа постижения и объяснения времени, потому важнейшим аспектом языковой категоризации темпорального опыта следует признать включенность ее результатов в определенную культурно-языковую парадигму. К у л ь т у р н о - я з ы к о в о й п а р а д и г м о й следует считать совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения. Культурно-языковая парадигма объединяет к а т е г о р и а л ь н ы е с л о в а, т.е. выражающие значимые для всего общества или его отдельных групп представления о мире и человеке в нем. Языковые формы есть основа парадигмы, которая как бы "прошита" значимыми представлениями. Проиллюстрировать данное положение можно следующим образом. В древнеанглийском языке в парадигме, условно называемой англосаксонской героической, присвоение имени *niht* единице искусственного отсчета времени – "сутки" – было предопределено архаическим представлением, впервые упомянутым Тацитом в его описаниях древних германцев, о том, что день начинается с заходом солнца, наступлением ночи. В другой, латино-христианской парадигме та же самая единица искусственного счета времени обозначалась словом *dæg*; выбор этого слова был обусловлен иным взглядом на отсчет времени, согласно которому начало и конец суток следовало вести с восхода солнца. Значение "сутки" и в слове *niht*, и в слове *dæg* соотносилось с представлением не о времени, но о способе его искусственного счета, основанного на разных природных явлениях. Два знаковых комплекса, соотносившихся с одним денотативным значением, но имевших в основе своей разные представления, уживались какое-то время в древнеанглийском языке вследствие сосуществования разных культурных парадигм в лингво-культурной традиции англосаксонского общества. Функционирование этих двух слов с одним и тем же значением есть пример переплетения разных культурно-языковых парадигм в одной традиции. В древнеанглийских памятниках, обязанных своим рождением королю Альфреду, например, в англосаксонской "Хронике" длительность военных походов, запас провизии измеряется словом *niht*, а в "Рассказе о путешествии Охтхере" продолжительность путешествий обозначается словом *dæg*. В современном английском языке рефлексам древней культурно-языковой парадигмы можно считать слова *fortnight* (= fourteen nights) и ныне устаревшее, но еще употреблявшееся в 30-х годах *sennight* (= seven nights).

У категориальных слов образопорождающая функция, непосредственно связанная с его концептом, как правило, преобладает над собственно коммуникативной.

К о н ц е п т есть "мысленное образование, которое замещает... в процессе мысли неопределенное множество" [Лихачев 1997: 281] предметов, явлений, состояний разного рода, но воспринятых сознанием как предметы, явления и состояния одного порядка в силу определенных психологических, социальных, исторических и прочих факторов. Содержание категориального слова складывается, таким образом, из его значений и концептов. «Концепты возникают в сознании человека, – пишет академик

Д.С. Лихачев, — не только как "намек на возможные значения" ..., но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.» [Лихачев 1997: 281].

В древнеанглийском языке в англосаксонской героической парадигме в концептуальной структуре слова *niht* очевиден смысл зловещего и пагубного времени: ночь рождает страх — *niht-egesa* "ночной страх" (Ps: 90), ночью бродит *niht-genga* "ночная нечисть" (Lch: 1:2), в это время случается беда — *niht-bealu* "ночное несчастье" (Beo: 193). Слово *niht* ассоциировалось с чудовищами, существами из другого, невидимого мира и их деяниями. В "Беовульфе" Грендель появляется только ночью (115, 135, 649, 683, 702, 736), ночью выползает его мать (1334), чудища объявляются ночью (1365) и в это же время дракон опалает все вокруг своим дыханием (2306, 2320). Языковое сознание ставило *niht-genga* в один ряд с *ælf(cyn)*, *deofol* и пагубным искушением (*yfel*) *costung*: *Gif men hwylc yfel costung weorþe oþþe ælf oþþe nihtgengan* (Lch: 3:44) "Если человек одержим пагубным искушением, или эльфами, или ночной нечистью"; *Wiþ feondes costunga and nihtgengan...* (Lch: 3:60) "С враждебным искушением и ночной нечистью"; *Wiþ ælfcynne and nihtgengan and þam mannum þe deofol mid hæmþ* (Lch: 3:10) "С этими людьми знаетсся дьявол, эльфы и ночная нечисть".

Только Герой может вмешаться в "чужое" темное время, чтобы там победить противоборствующую силу. В ночное время Беовульф побеждает морских чудовищ и сражает Гренделя. Битва с матерью Гренделя тоже по-видимому происходила ночью, поскольку спускался Беовульф в подводное царство чудища целый день (светлое время) (Beo: 1495). В "Юдифи" героиня наносит смертельный удар Олоферну ночью (Jud: 63–64).

В английском языке раннего средневековья наряду с англосаксонской героической парадигмой можно выделить народно-христианскую и латино-христианскую. Названия парадигм достаточно условны, но они выражают их ведущие характеристики. "Англосаксонская" в названии первой означает, что в содержании характерных для нее языковых единиц передавались представления, во многом типичные для всех древнегерманских племен, включая те, что переселились с континента на Британские острова. Слово "героическая" призвано подчеркнуть основное своеобразие отраженных в этих единицах взглядов англо-саксов на окружающий мир и на себя в этом мире. Необходимо отметить, что наряду с самими письменными памятниками древнеанглийского языка, богатейшим источником сведений о культуре и мировоззрении народов Европы раннего средневековья служат работы А.Я. Гуревича [Гуревич 1972, 1990]. Взгляды англо-саксов на мироустройство сводились к представлениям о полной аналогии макрокосма вселенной и микрокосма человека, подвластности земной жизни судьбе. Идеал поведения формировался дружиной; взаимная верность конунга и дружинников, институты даров и пира были одними из основных форм социально-экономических отношений. Благородство и достоинство определялись ратными подвигами, войной, но никак не трудом землепашца или скотовода. Богатство, удача были мерилем славы, чести и мощи конунга и его дружины. Вера во многих богов доходчиво объясняла непонятные природные явления. Общая направленность восприятия времени сводилась к его циклизму и превалирующей значимости прошлого. Все мироздание рассматривалось сквозь призму "свой — чужой", в системе общественных отношений "чужаком" могло выступать любое лицо даже внутри племенного круга по отношению к более узкой группе, если этот человек не входил в данную группу и тем более, если он порывал всякие связи со своим кругом родичей [Шервуд 1988: 105].

Народно-христианская парадигма складывается в результате переплетения представлений, сложившихся в течение длительного народного природного и общественного опыта, с идеями, внедрявшимися в жизнь христианской церковью. То, что считалось достоинством и благородством в героической парадигме — бесстрашие, мужество и даже жестокость, богатство, везение — оттесняется на задний план. Тяжелый труд землепашца, смирение и стойкость духа, бедность и презрение к богатству — вот

те идеалы, которые церковь усиленно насаждала. Церковь стремилась, чтобы природу воспринимали как подвластную Богу и объясняли все происходящее в ней Божественным замыслом. Но предпосылкой поведения основной массы населения было, как пишет А.Я. Гуревич, "постоянное, интенсивное взаимодействие и единство с природой", "именно ей и ее силам они поклоняются" [Гуревич 1990: 50–51]. Мир архаичный, построенный на многобожии, на примате обычаев предков, на единении живого и неживого, переплетался в сознании древнего человека с миром, основанным на единобожии; идея кругового развития соединялась с идеей исторической линейности и конечности всего существующего, детерминированности всего и вся Божественным замыслом. Народно-христианская парадигма менее выделяема в ткани древнего периода английского языка по той причине, что содержание, которым темпоральные единицы наполнялись в сознании рядовых непросвещенных носителей языка, письменные памятники практически не зафиксировали. Выявить его можно путем анализа парадигматических характеристик как самих категориальных слов, так и их концептов. К парадигматическим характеристикам категориальных слов можно отнести устойчивость ассоциативных связей категориальных слов, устойчивость формул и контекстов, а также устойчивость образования производных, эксплицитно представляющих концепт слова. В народно-христианской парадигме некая христианская идея, например, идея единого Бога-защитника, встраивалась в контекст, характерный для представления идей героической культурной парадигмы. В "Елене" император Константин напуган несметным числом армии гуннов, наступает ночь, его воины располагаются лагерем, и тогда ночью во сне Константину является божественное видение, вдохновляющее его и пророчащее победу – покров ночи исчезает. В "Leechdoms" говорится следующее: *bonne gescylt þe God wiþ unswefnum þe nihternessum on menn becumaþ* (Lch: 2:88) "Тогда будет Бог защищать тебя от плохих снов, которые к людям приходят ночью". Очевидно, что сохраняется контекст, типичный для *niht* в героической парадигме, но в концептуальной структуре рассматриваемого слова формируется новый смысл подвластности ночи Богу.

С другой стороны, разрушается традиционный для языковых форм героической парадигмы контекст, игнорируется смысл пагубности и чуждости ночи. В англосаксонской героической парадигме, как отмечалось, *niht* понятийно соотносится со временем злодеяний чуждых сил. В "Церковной истории" Беда, напротив, повествует, что ночью епископ Лаврентий творил праведные молитвы; ночью ему является святой апостол Петр, приносящий ему божественное разумение и наставление (Bd: 115). Согласно Бедe, ночью сияет небесный свет и над святыми мощами изгоняют дьявола: *þæt ofer his reliquias þæt heofonleoht ealle niht wæs ofergestonde and sciende, þæt deofolseoce æt his reliquium wæron gelacnode* (Bd: 14).

Смыслы страха, пагубности и чуждости ночного времени в концептуальной структуре *niht* в народно-христианской парадигме отодвигались на задний план, и намеренно формировался смысл подвластности ночи единому Богу.

В основании латино-христианской парадигмы лежали собственно христианские воззрения на окружающий мир и вселенную. Те письменные памятники, в которых проявлялась данная парадигма, зачастую создавались под влиянием какого-либо произведения на латинском языке, либо под воздействием некоторой идеи, почерпнутой из латинского источника.

Христианская церковь, искореня языческие взгляды на мироустройство, стремилась побороть представления о ночи как власти темных, пагубных сил. Внешние усилия направлялись на изменение концептуальной структуры *niht* как слова, отражавшего языческое мировоззрение.

Дидактическое изложение научных (в той степени, в какой можно говорить о существовании науки в раннем средневековье) христианских идей о мироздании укрепляет новый концепт *niht* в латино-христианской парадигме. Эльфрик в "De Temporibus Anni" (DTA), изложив библейскую легенду о сотворении мира, настойчиво

объясняет: *Niht is gesett mannum to reste – on þissum middanearde* (DTA: 18) "На земле ночь дана человеку для отдыха"; *Soplice on þam heofonlicum edele nis nan niht gehæfd ac pær is singal leoht buton ælcum þeostrum* (DTA: 18) "Воистину на небесах ночи нет, но есть вечный свет", а значит, нет и чуждого ночного мира.

На протяжении всего древнеанглийского периода *niht* сохраняет свое основное значение "темное время суток, ночь", но его концепт и содержание единицы в целом меняется в зависимости от той культурно-языковой парадигмы, в которой бытовало это слово.

Безотносительно к типу культурно-языковой парадигмы в древнеанглийском языке можно выделить обширную группу слов, выражавших временные представления, которая также включает обозначения природного времени, вечности и единиц искусственного счета времени: *æfen*, *andweardnysse*, *ærdæg*, *a*, *awe*, *byre*, *dæg*, *dægred*, (*on*) *dagum*, *dogor*, *gear*, *geara*, *geardagas*, *geardagum*, *fæc*, *feor(r)*, *fruma*, *frymþ*, *fyrn*, *fyrst*, *fyrðling*, *iu*, *hancred*, *hwil*, *mæl*, *monað*, *niht*, *prica*, *sæl*, *sip*, *stund*, *tid*, *tima*, *towardnysse*, *þrag*, *uhta*, *wæcce*, *wuci*, *undern*.

Предметом предлагаемой статьи будет анализ одного из способов актуализации в древнеанглийском языке понятия времени как такового и исследование форм передачи представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Древнеанглийское существительное *sæl* "время" – одна из многих этимологических и семантических загадок в истории английского языка. Собственно научная этимология *sæl* неоднозначна. В самом древнеанглийском языке исследователи объединяют *sæl* с *sel* "хороший", *selra*, *sella* "лучше", *selest* "лучший" (наречие и прилагательное), *gesælig* "счастливый, удачливый", *sælp* "благо, блаженство" [Bosworth 1954].

Среди древнегерманских языков др.-англ. *sæl* "время, случай; удача" включают в деривационный ряд др.-сканд. *sælligr*, др.-исл. *sæll*, др.-в.-нем. *salig* "счастливый, удачливый, благополучный", гот. *sels* "(при)годный", *selei* "(при)годность", др.-сканд. *sæla* "счастье". Др.-сканд. *sæld*, др.-сакс. *salda*, др.-в.-нем. *salida* "удача" < герм. **soliz* [Lehman 1986]. Как можно заметить, темпоральное значение присуще только древнеанглийскому существительному.

Выделить однозначные и достоверные этимологические связи др.-англ. *sæl* на индоевропейском уровне не удастся. С одной стороны, это слово, как и другие родственные ему древнегерманские производные, связывают с лат. *solidus* "твердый", *salvus* "здоровый, целый" [Vreis 1959], др.-лат. *sollus* < **sol-nos* "целый и твердый", возводя все их вместе к индоевропейскому **solo-*, **sol-wo* [Lehmann 1986]. Последний, в свою очередь, рассматривается как вариант индоевропейского **sel-*, *sl-ex* > *sla* "благоприятный, успокаивающий" (лат. *solor* "утешение, успокоение"). Семантические построения в этом случае выглядят следующим образом: целый, твердый, здоровый → хороший, добрый → (при)годный → удачливый (приносящий хорошее). Основным недостатком этой цепочки, на наш взгляд, состоит в том, что в ней не находится места для объяснения темпорального признака в семантике древнеанглийского *sæl*.

С другой стороны, Бругман и Вуд, чья точка зрения приводится в словарях Я. де Фриса и Лемана, объединяют приведенные ранее древнегерманские слова с гот. *saian*, др.-англ. *sawan* "сеять" и др.-сканд. *sad*, др.-англ. *sæd*, др.-в.-нем. *sat* "семя" и указывают на их родственные отношения с др.-ирланд. *sil* "семя, сеяние, время сеяния" → "пригодное время" [Lehmann 1986], лат. *satio* "сев, сеяние" → ит. *stagione*, франц. *saison* "время, часть года, сезон" [Vries 1959] и возводят их к индоевропейскому **se-*у [Lehmann 1986]. В контексте данных этимологических рассуждений выстраивается семантическая цепочка "семя/сеяние" → "время сеяния/сева" → "соответствующее время (года)" → "пригодное, подходящее время" → "нечто благоприятное, хорошее". Этимология *sæl* никак не может подменить актуального для древнеанглийского языка значения *sæl*, но может способствовать его установлению. Содержание

sæl раскрывается в письменных памятниках. В "Беовульфе" в Финнсбургском эпизоде есть место, описывающее приход весны после зимы, которую Хенгест вынужденно провел у Финна: *op þæt ofer com || gear in geardas, swa nu gyt doap || þa þe syngales sele bewitiaþ*, || *wuldortorhtan weder* (1133–1136). В данном примере *sæl* употреблено в форме множественного числа, которая согласуется с формами множественного числа глагола *bewitian* и *don*. Значение рассматриваемого существительного раскрывается здесь как "времена года", вечностью или непрерывностью времен сохраняется год: *þa þe syngales sele bewitiaþ*; сам год, как это следует из примера, наступает с приходом "ясных погод": *wuldortorhtan weder*: "Но пришла пора, || повернулся год – / чередой возвращаются || времена с небес / (так и ныне!) || на земли смертных" (пер. В. Тихомирова). Необходимо сказать, что в последующей истории английского языка появляется слово *hayseel* "сенокос; время заготовки сена", датируемое этимологическими словарями английского языка XVIII веком. Бренди в историческом словаре английского языка под редакцией Мэррей наряду с *hayseel* приводит *barley–seel, wheat–seel, barking–seel* [NED 1914]. *Sel* в этих композитах значит "время, пригодное для": посева ячменя, пшеницы и заготовки коры, иными словами, оно обозначает "сезон, подходящий для некоторой сельскохозяйственной деятельности", или "время года" в проекции на трудовую деятельность коллектива говорящих. Можно заключить, что *sæl* в строке 1135 "Беовульфа" и данный ряд композитов свидетельствуют о разновременном проявлении архаической семантической потенции "время года, пригодное для какой-либо деятельности". Здесь имеет место семантическая универсалия, подробно описанная М.М. Покровским: "всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова" [Покровский 1959: 85]. Здесь также могла иметь место и более поздняя письменная фиксация "природного" значения рассматриваемого слова, что достаточно характерно для названий природных объектов и явлений [Бабаева 1998: 104].

Пригодность, урочность или *спопутность* (В.И. Даль) времени, обозначенного *sæl*, проявляется в других случаях употребления этого слова в поэме. И если относительно только что рассмотренного примера следует говорить об урочности прихода нового года в круговороте времен как своеобразном рефлексе архаического признака урочности сезонной работы, то в примерах, которые последуют в нашем анализе далее, явно будет выражен признак спопутности времени для героев и героических деяний.

Устойчивые контексты для *sæl* – это темы сражения-отмщения и пира. Беовульф, одержавший победу над матерью Гренделя, так рассказывает о завершении битвы: *þæt ic þy wæpne gebræd. || Ofsloh þa æt þære sæcce, þa me sæl ageald || huses hyrdas*. (1663–1665) "... я тем оружием махнул. Убил в той схватке – случай даровался (время даровалось) – дома властительницу". В строках, предшествующих этим, говорится, как тяжела и жестока схватка Беовульфа и матери чудовища, как нарастает напряжение боя. По законам эпоса герой должен победить, аудитория знает и ждет это. *Sæl* – это ожидаемое и ведомое время, это вершина эпизода и сигнал наступающей развязки.

В эпизоде с хадобардами Хродгар, убивший Фроду, вождя хадобардов, отдает свою дочь Фреавару замуж за Ингельда, сына Фроды, желая тем самым прекратить вражду племен. Но хадобарды лишь затаили месть, и когда Хродгар со своими дружинниками приезжает в гости к Ингельду, один из хадобардов видит доспехи, когда-то у них отнятые, на одном из данов, и будит в Ингельде месть, говоря ему о времени отмщения: *op þæt sæl cymeþ, || þæt se fæmnan þegn fore fæder dædum || æfter billes bite blodfag swefeþ...* (2057–2060) "... пока не придет то время, когда этот слуга женщины из-за дел отца от укуса меча окровавленный погибнет". Англосаксонская аудитория была хорошо знакома с подобными попытками примирения, так же как и с их результатами (в частности, сходное упоминается в Финнсбургском отрывке). Поэтому можно заключить, что и в вышеприведенных строках концептуально *sæl* предстает как

ожидаемое и ведомое время; вместе с тем – это, как и в предыдущем примере, вершина эпизода – момент отмижения.

В сценах пира *sæl* – тоже самый ответственный, ожидаемый и ведомый момент, когда действие фокусируется на главных героях – Беовульфе и Хродгаре: *oþ þæt sæl alamp, || þæt hio Beowulfe, beaghroden cwen, || mode gefungen medoful ætbær.* (622–624) "... настало время, чтобы она Беовульфу, жена венценосная, духом стойкая, кубок меда поднесла"; *þa wæs sæl ond mæl þæt to healle || gang Healfdenes sunu* (1008) "Настало время и срок явиться в зал сыну Хальфдана". Таким образом, в героической парадигме содержание *sæl* концептуально определялось как "свое" ожидаемое время, отданное героям, кульминация их деяний.

Вне героической парадигмы в концептуальном плане *sæl* утрачивает смыслы предназначенности времени для героических деяний и кульминационности момента их свершения. Но признак ожидаемости сохраняется. Так, например, в "Соломоне и Сатурне" Сатурн замечает: *sian hire sæl cymeþ þæt heo domes dæges dyn gehiere* (Slm: 325–326) "Когда их время придет и они услышат шум судного дня". В латинохристианской парадигме *sæl* лишается этого признака и сохраняет смысл времени как маркера некоторого действия. Так, Эльфрик в "Проповедях" говорит: *Hit gelamp on sumne sæl þæt hi sæton ætgedere, Oswold and Adan...* (Hml: 46) "Это случилось в то время, когда они сидели вместе, Освальд и Адан". Таким образом, основное значение *sæl* "время" в разных парадигмах соотносилось в древнеанглийском языке с разными концептами и потому содержание всей единицы оказывалось подвижным в языковом сознании англо-саксов.

Представление о прошлом воплощалось в древнеанглийском языке в многочисленных формы. "Беовульф" начинается с изложения славной истории данов: *Hwæt we gardena in geardagum || þeodcyniga þrym gefrignon || hu þa æþelingas ellen fremedon* (1–3) "Мы слышали о данов славе, о доблести конунгов в старину, как (они) доблестные силы добились". За этими строками следует рассказ о том, как появился у берегов данов Скильд Скевинг и от него пошло начало процветающей династии, во главе которой, как следует из дальнейшего повествования, последовательно были Беовульф, сын Скильда Скевинга, Хальфдан и, наконец, Хродгар, имена которых как бы подтверждают реальность излагаемого сказителем. История данов начинается во времена (on) *geardagum* – "в старину, в прошлом". Фантастически сказочные события – появление чудовища и сокрытие клада – сказитель помещает в это же время: *þone on geardagum Grendel nemdo(n)* (Beo, 1354) "Тогда в старину (чудовище. – Ч.О.) Гренделем назвали". Клад, источник грядущих несчастий, был спрятан в земле (on) *geardagum*: *þær wæs swylcra fela || in þam eorþ(hu)se ærgestreona || swa hy on geardagum gumena nathwyls || eorrlenlæfe æþelan cynnes || þanchycgende þær gehyddde* (Beo, 2231–2235) "Там было много таких (чаш) в кладе в земле, который в старину, неизвестно кто из мужей, отпрыск славного рода, мудрый там спрятал".

Для современного читателя поэмы эти два события не более, чем сказочные истории. Но для аудитории поэмы – это предвестники будущих героических деяний, поскольку чудовища и клад являют собой обязательные элементы эпоса, которые открывают путь развитию эпического сценария. С появлением Гренделя начинается противостояние героев и монстра, а клад становится началом еще более сказочных событий.

По всей видимости, (on) *geardagum* в "Беовульфе" значило больше, чем просто "прошлое, старина"; оно вмещало в себя представление о "начале" событий, в которых раскроется судьба и сила героев.

В поэме "Елена", повествующей о поисках матерью императора Константина, Елены, креста, на котором был распят Христос, *geardagum* встречается в следующих контекстах. В Иерусалиме Елена, настойчиво пытающаяся отыскать место, где был спрятан крест, обращается к мудрецам, которые умели растолковать закон Моисея: *...ge geardagum || wyrþe wæron wuldorcyninge || dryhtne dyre [...]* *dædhwæte* (El: 292–294)

"Вы в былые времена (старину) были любимы господом драгоценным и славным". Из следующих далее в поэме строк, в которых она говорит о том, что эти люди неразумно отвергли мудрость и благодать того, кто пришел спасти их, и бросали грязь в него, и строк 832–836 становится ясно, что за словом *geardagum* стоит время Христа и его распятия: *þær preo mette – ll in þam reonian hofe, roda ætsomne ll greote begraue, swa hio geardagum ll arleasna sceolu eorþan beþeah-ton, ll Iudea [cyn]* (El: 832–836) "Там три нашла – в этом печальном укрытии, креста вместе, грязью покрытые, которые они в старину, нечестивая толпа, землей покрыли, Иуды (род)".

Если сопоставить (*on*) *geardagum* в "Беовульфе" и "Елене", то можно обнаружить, что значение "прошлое время; в прошлом, в старину" сохраняется неизменным, но концепт этой формы в "Елене" обрастает новыми смыслами. За *geardagum* в "Елене" возникает образ прошлого, когда жил Христос и возникла новая вера. В поэме это прошлое определяет видение креста императору Константину и его победу над гуннами, чудесное исцеление больного.

Семантическая целостность знакового комплекса *geardagum* очевидна, его концепт претерпел изменения при включении данного комплекса в другую культурно-языковую парадигму, а именно – латино-христианскую. Это стало возможным, потому что "новые мысли не просто накладывались на слежавшееся значение эпического слова, но имели своей основой слово семантически многомерное и богатое коннотациями" [Смирницкая 1990:75].

Рассматриваемая форма представляет собой дательный падеж от *geardagas* (мн.ч.); употребление в "Беовульфе" и в "Елене" демонстрируют процесс ее выделения из парадигмы имени существительного и переход в категорию наречия. Существенным оказывается не только формальное соотношение этих двух форм, но и содержательное. *Geardagas*, чья внутренняя форма прозрачна ("*gear + dagas*" : "год + дни > дни лет > дни жизни"), обозначало жизнь как продолжительность прожитых дней и лет и в этом смысле оно употребляется один раз в древнеанглийских псалмах – *ure geardagas* "дни нашей жизни". В заключительных лирических строках "Елены" Кюневульф сетует: *...nu synt geardagas ll æfter fyrstmearce forþ gewitene ll lifwonne geliden swa lagu toglideþ* (El: 1266–1268) "Дни жизни (жизнь) после отмеренного срока уходят, радость жизни исчезает как течет вода".

Geardagum в содержательном плане едва ли соотносится с др.-англ. *gear*, но обнаруживает ассоциативные связи с *ær*-композициями (*ær* ср. ст. от *ar* "рано"). Так, в "Беовульфе" богатства в кладе, зарытом в землю во времена *geardagum*, названы *ærgestreon* (2232), *ærwela* (2747), а рукоять меча матери Гренделя названа *ær-geweorc* (1679), а в "Елене" погребение креста, на котором был распят Христос, в земле под слоем грязи обозначено как *ærgewyrht* (1301).

Очевидна звуко-смысловая близость (*on*) *geardagum* и (*on*) *ærdagum* "в былые, минувшие дни". *Geardagum* как целостная единица не имеет параллелей в других германских языках; *ærdagum*, напротив, этимологически связано с др.-исл. *i ardagar*, др.-сакс. *an erdagum* "в минувшие дни; тогда". В непереводной части древнеанглийского "Генезиса" встречаются и *ærdagum* (2543), и *geardagum* (1657): в изложении ветхозаветной истории Ноя оба эти слова соотносят время расселения его потомков с давним прошлым: *Hie gesetton þa Sennar geardagum* (1657) "В былые времена / тогда обосновались они в Шеннаре". Остается предположить, что в письменных памятниках древнеанглийского языка произошло установление таких формальных и контентивных связей *geardagum* с другими словами, которые затемнили его происхождение от композита с прозрачной внутренней формой *gear + dagas*.

И н д о е в р о п е й с к и й к о р е н ь **per-* "вперед, впереди, перед" с разными степенями чередования и разными формантами соотносится в древнегерманских языках с большим числом производных с пространственной и временной семантикой. Сюда

относятся др.-англ. *feor* "далеко; давно", др.-в.-нем. *fer*, др.-исл. *fjarri*, гот. *fairra* "далеко", гот. *fairneis*, др.-англ. *fyrn*, др.-в.-нем. *firn*, др.-сканд. *fern*, др.-исл. *forni* "старый, древний, старинный", гот. *frums* "начало", др.-англ. *fruma*, др.-сканд. *fruma* "начало". Слова с темпоральной семантикой – результат раннего осмысления времени в пространственных терминах и представления его, по аналогии с пространством, как переднего и заднего, верхнего и нижнего, которые в разных культурно-языковых парадигмах могут выступать как прошлое или будущее.

Семантическая трансформация локативных знаковых комплексов в темпоральные сопровождалась мифологизацией представления о времени в сознании, что находило опору в языке. В англосаксонской героической парадигме древнеанглийского языка сохраняются следы сближения в языковом сознании смыслов времени и значимости, главенства, силы, выделенности. "Выделенность, значительность, главенство" как семантическая потенция проявляется в древнеанглийском в прилагательном *fram* "храбрый, выдающийся", существительном *fruma* "господин; создатель, творец", а также в *fruma*-композициях, типичных для героической парадигмы: *hildfruma* "зачинатель битвы" (так называют Беовульфа), *dædfruma* "убийца" (букв. "Творец смерти" – так называют Гренделя).

В англосаксонской героической парадигме *fruma*-ассоциировалось с необычным по значимости или силе произошедших в нем событий прошлым. В "Беовульфе" о прошлом, когда кто-то неизвестный отправил по волнам ладью с малюткой Скильднгом, сказитель говорит *frumsceaft* (букв. "сотворение начала"): *Nalæs hi hine læssan lacum teodan* || *þeodgestreonum, þonne þa dydon*, || *þe hine æt frumsceaftfe forþ onsendon* (43–45) "Не положили они ему меньше богатств, сокровищ, чем те сделали, когда его в прошлом (в начале) вперед отправили". В латино-христианской парадигме в *frumsceaft* воплощается ветхозаветное представление о сотворении мира. В "Церковной истории" в вопросе, обращенном к поэту Кэдмону, встречаем: *Sing me frumsceaft* (Bd: 4) "Спой мне о сотворении мира". В том же значении это слово используется в древнеанглийских проповедях. *Fruma* в "Беовульфе" называет время, когда начинает действовать заклетье, тяготевшее над кладом: *Wæs se fruma egeslic* || *leodum on lande, swa hyt lungre wearþ* || *on hyra sincgifu sare geendod* (2309–2311) "Было то прошлое (начало) ужасным для народа на земле, и вскоре печально с жизнью расстался даритель сокровищ".

В "Елене" концепт прошлого, заключенный в *fruma*, меняется под влиянием христианских представлений о первотворении, и знаковый комплекс *fruma* перемещается в латино-христианскую культурно-языковую парадигму, в которой он обозначает сотворение/начало в ветхозаветном смысле: *...þæs þe hio soþ gecneof* || *andweardlice þæt wæs oft bodod* || *feor ær beforan fram fruman worulde* || *folcum to frofre* (1139–1142) "...они мудрость познали, которую часто провозглашали еще раньше, со времен сотворения мира, на благо народам". Позднее внутри уже этой парадигмы *fruma* из разряда категориальных слов переходит в разряд слов, коммуникативная функция которых преобладает над образопорождающей: *on fruman* (Bd: 48) "в самом начале (послания)", *on fruman ærest* (Bd: 28) "в самом начале (повествования); прежде всего", *in fruman* (Bd: 64) "в начале".

Fyrn в древнеанглийских глоссах сопоставляется с латинским *antiquus* "древний, старинный (с оттенком похвалы); достопочтенный" и *priscus* "старинный, древний (с побочным понятием почтенности)" [Bosworth 1954].

В "Беовульфе" значимые для эпических героев предметы – меч Хрунтинг, который берет с собой Беовульф, идя на сражение с матерью Гренделя, кубок, похищенный из клада, и сосуды в этом кладе – так или иначе связаны с временем *fyrn*. Меч выкован во времена *fyrndagas*: *Swa hine fyrndagum worhte wærna* || *smiþ* (1451) "Так его в давнее время выковал оружейник". Кубок назван *fyrngeweorc*, а сосуды – *fyrnmanna fatu* "сосуды древних людей".

В древнеисландском *forn* наряду с другими значениями имело смысл "освященный временем, веками (time-honoured)" [Cleasby 1957]. Примечательно также то, что одно из древнескандинавских имен Одина (*Fornī*), буквально "старый" [Vrejs 1959], также стояло в ряду производных от **per-*.

Если принять во внимание приведенные наблюдения, то реконструируемый для древнеанглийского *fyrn* концепт прошлого в англосаксонской героической парадигме следует представить как включающий эмотивную величину – значимость и почитаемость. И потому в этой парадигме образования с *fyrn* сообщают о прошлом как о глубокой и потому почитаемой древности.

В древнеанглийских поэмах "Елена" и "Андрей" в концептуальной структуре *fyrndagum* становится очевидной сцепленность представлений о прошлом и ветхозаветном времени. Так, в "Елене" говорится: *Hwæt we Ebreisce æ leornedon || þa on fyrndagum fæderas cuþon || æt godes earce...* (396–398) "Истинно, мы еврейский закон изучили, который в давние времена отцы знали на божьем ковчеге...". В "Андрее" за *fyrndagas* также стоит ветхозаветное время. То же относится к смыслу *fyrndagas* в древнеанглийских проповедях. В "Елене" там, где речь идет о законе Моисея, ветхозаветные писания названы *fyrnwritu* (строки 155, 373, 431, 560).

Древнее языковое сознание фиксировало значимость для языкового коллектива знания о прошлом. В древнеанглийском языке были знаковые комплексы, вмещавшие в себя идею в е д о м о с т и прошлого, к которым следует отнести обозначения человека, знающего прошлое, и обозначения собственно ментального действия – "знать прошлое, рассказывать о прошлом".

В героической парадигме др.-англ. *fyrnwita* букв. "знающий прошлое" – это старейшина, пользующийся особым уважением благодаря своему знанию. В "Беовульфе" так назван дружинник Хродгара – Эскхере, мудрый человек, знающий предания старины (2123); его же Хродгар называет *runawita* (1325) "знающий руны (тайну)". В прошлое посвящены только самые мудрые и уважаемые – в начале поэмы скоп, пересказывая в песне ветхозаветный сюжет, рассказывает о прошлом – *ferran recan* (Beo: 91), та же формула употреблена в эпизоде, когда о прошлом поведал данам седой Скильдиг – *feorran rehte* (Beo: 2106). Прошлое, таким образом, ассоциируется с тайной.

В "Елене" ветхозаветные царь Давид и первосвященник Захария названы *frod fyrnweota* "мудрецы ветхозаветных времен или знающие, посвященные в прошлое", т.е., в божественный замысел, тайный для непосвященных. Это предположение можно было бы подтвердить тем фактом, что в "Елене" строке о Захарии – *frod fyrnwiota fæder minum* (438) "мудрому пророку, отцу моему" соответствует строка в латинском источнике сюжета поэмы *praenuntiavit patri meo* "предвестнику, отцу моему".

Целесообразно сопоставить композит *fyrnweota* с композитом *æwita* (*æ(we)* "закон"), которым в "Елене" обозначены сведущие в законе Моисея. Древнеанглийское существительное *æwe* принадлежало к обширной группе индоевропейских слов, восходящих к корню **ai- < *ʰei + w-*: др.-инд. *āyu* "жизненная сила; время; жизнь" греч. αἰών "сила жизни; источник жизненной энергии (вечное возвращение)", αἰ(F)εῖν "всегда", лат. *aevum* "век", гот. *aiws* "время", др.-в.-нем. *ewa* "(бесконечно долгое) время; вечность; закон", др.-англ. *æ(we)* "вечность; закон". Сюда же относятся др.-инд. *ayu* "подвижный" и обозначения юноши как самого молодого и подвижного в древнеиндийском (*javistha*) и в латыни *ioviste, iuvenis*. Полагают, что эта группа отражала ключевые понятия в соответствующих индоевропейских мифологических системах [МНМ 1980]. Вероятно, в этих системах жизненная сила семантически объединяла ограниченное время жизни и вечность, поскольку древнее языковое сознание запечатляет вечность как переход/перелив жизненной силы из одной оболочки в другую [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

В древнеанглийском *æ(we)* в значении "вечность" предстает в архаичной формуле *awa to aldre* в "Беовульфе", которая употребляется в эпизоде заклинания, *þu þe self*

hafast || *dædum gefremed[ne]*, *þæt þin [dom] lyfaþ* || *awa to aldre* (954–955) "Ты сам совершил великое деяние, да будет слава твоя жить вечно!". Эта формула сохраняется в языке на протяжении всего древнего периода, претерпевая лишь замену *aldre* (*ealdre*) "жизнь" на *feorh* "жизнь" и изредка на *ecnysse* "вечность".

Время как вечность в христианской парадигме древневерхненемецкого, древнеанглийского и древнесаксонского языков коррелирует с идеей порядка, данного богом, закона жизни, им установленного – завета, данного богом Моисею. Корреляция эта раскрывается при сопоставлении существительных со значением "время; вечность" с производными прилагательными гот. *aiweins*, др.-в.-нем., др.-сканд. *ewig*, др.исл. *ævin* "вечный", с одной стороны, и композитов др.-в.-нем. *ewarto* "священник" (букв. "страж вечности/закона, завета") и др.-англ. *æsago*, др.-в.-нем. *esago*, др.-сканд. *eosago* "судья" (букв. "говоритель вечности/законо-, заветоговоритель").

Локативная мотивированность слов с темпоральным значением – явление, характерное для ранних этапов языкового развития; в древнегерманских словах, упомянутых выше, она стерлась и фактически возможна лишь ее реконструкция. На этапе письменного развития древнегерманских языков закономерным становится выражение темпоральных значений через единицы с пространственной семантикой.

Это замечание в полной мере относится к прилагательному и наречию *feorr* "далекий/далеко" в древнеанглийском языке, которое уже упоминалось выше. Значение знакового комплекса *feorr* наглядно демонстрирует изоморфность пространственно-временных представлений в древнем сознании. Показательно в этом отношении употребление этого комплекса в "Беовульфе". Скильда Скевинга младенцем прибило в ладье, груженной драгоценностями, к берегу данов. Когда мудрый Скильд умер, его тело вновь кладут в лодку *him on bearme læg* || *maþma mænigo, þa him mid scoldon* || *on flodes aht feor gewitan* (Beo: 40–42) "Ему на лоно (ладьи) положено много сокровищ, чтобы ему по волнам с богатством далеко (в прошлое?) отправиться." Проводы Скильда в последний путь повторяют его появление – тело Скильда в ладье, рядом с ним множество богатств. Далее в строках 43–45 говорится: *Nalæs hi hine læssan lacum teodan* || *þeodgestreonum, þonne þa dydon, þe hine æt frumsceafta forþ onsendon* (43–45) "Богатств положили ему не меньше, сокровищ, чем они положили, когда его в прошлом (в начале) вперед отправили". Копирование появления Скильда Скевинга в его проходах, ссылка на него, говорят о том, что даны отправляют своего господина не просто далеко, но в прошлое, откуда он приплыл. Начало и конец жизненного пути совмещаются в пространстве и замыкается временной жизненный круг. Подобным же образом следует интерпретировать *feor* в следующих строках поэмы: *Scolde his aldorǵedal* || *on þæm dæge þysses lifes* || *earmlic wurþan ond se allǵrast* || *on feonda gewæld feor sibian*. (Beo: 805–808) "Была его смерть тогда ужасной и эта мерзкая душа отправилась далеко, во власть дьявола". Дух Гренделя отправляется не просто далеко, но туда, откуда пришел, в прошлое, поскольку в начале поэмы о его появлении говорится, что был он исчадием ада и жил в болотах, где обитали изгнанные мерзкие чудовища и великаны. Время, следовательно, мыслится, с одной стороны, как бытийное пространство, а с другой – как вращение по кругу.

Передача темпоральных значений через единицы языка, сочетающие локативную семантику с семантикой движения, – отличительная особенность латино-христианской культурно-языковой парадигмы. Концептуально отдельные манифестации этого явления объединены линейным восприятием времени, характерным для исторического сознания в противоположность космологическому.

Внутри данной парадигмы форвардная локативность, как и в эпической парадигме, ассоциируется с прошлым и, например, в "Церковной истории англо-саксов" Беды Достопочтенного прошедшее названо *foregange*, *forþgongenne (tid)*, *forþyrnendre (tid)* букв. "идущее впереди (время)" (*fore-*, *forþ-* "вперед; впереди" < IE **per-*): *þa for-gongenne tide...* (Bd: 28) "тогда в прошлом..."; *hwæt þær foregange: oþþe hwæt þær æfterfylige, we ne cunnum* (Bd: 136) "что в прошлом или что в будущем, мы не знаем".

Префикс *forþ-* в древнеанглийском значил также “прочь”, поэтому *forþgongenre (tid)* и *forþyrnendre (tid)* можно интерпретировать как “уходящее прочь (время)”.

Изоморфность представлений о жизни и мироздании в древнем сознании в языке актуализируется в семиотических комплексах, коррелирующих с представлениями о смерти. В эпической парадигме смерть или смертный путь – это дорога прочь, поскольку именно так можно описать значение композита *forþweg* в “Беовульфе” (2625). Все – и человек, и мироздание – возникают из ниоткуда, но и уходят в никуда; вновь происходит замыкание временного круга. Подобное представление как архаический рефлекс наследуется христианской парадигмой, в которой движение прочь есть эвфемизм смерти – *forþferan* “умирать” (букв. “двигаться прочь”). В англосаксонской “Хронике” и “Церковной истории” чаще всего именно так говорится о смерти.

Настоящее “повернуто или движется вдоль”: *andweardan tide*, *andweardnysse*, *onweard* (*on-*, *ond-* “вдоль, на”, *weardan* “поворачивающийся”). Подобные знаковые комплексы встречаются в “Елене” и “Церковной истории”.

Будущее фиксируется языковым сознанием в значении “движущееся на, поворачивающееся к” – др.-англ. *toweardan*; *þe towearde* (Bd: 130) – “в будущем”, *in soþþe towearde cynerice gehateþ* (Bd: 128) – “воистину в будущем на царство называется”, *on towearde worulde* (Hml: 15) “в будущем мире”. Будущее осознается как “возникающее за (настоящим), как следующее за” (др.-англ. *æfterfylige*) или “находящееся поблизости” (др.-англ. *neorran tid*). Приведенные языковые формы – принадлежность латино-христианской парадигмы, героическая парадигма как бы обходится без представления идеи настоящего в какой-либо языковой единице.

Футуральность в героической парадигме передается знаковыми комплексами (*awa*) *to aldre*, (*awa*) *to feorh*, *to widan feore*, наречными по значению. В них будущее проецируется на их антропоморфный семантический признак: *aldor*, *feorh* “жизнь”. И хотя жизнь, как единственная реальность, на которую можно опереться воображая будущее, ограничена, семантически этот признак соединяется с признаком вечности. ...*ic ænigra me ll weana ne wende to widan feore ll bote gebidan* (Beo: 932–934) “...я не надеялся дожидаться в будущем (в жизни) отмщения за все мои несчастья”; *hie in hynþrit sculon ll to widan feore werghu dreogan* (El: 210–211) “...они (род Иуды) в унижении будут в будущем (вечно) проклятие нести”. В употреблении за подобными сочетаниями закрепляется грамматический контекст сослагательного наклонения, что едва ли составляло их собственную отличительную особенность, но совпадало с общей тенденцией развития способов передачи футурального значения в древнеанглийском языке, в частности, с зависимостью развития футуральных словосочетаний в грамматике от эволюции системы наклонений [Смирницкая 1977].

На антропоморфном признаке основывается архаичная передача представления о прошлом в лексико-синтаксической конструкции *on þam dæge þysse lifes* “тогда; в тот день жизни”. Примечательно, что существительное *lif* “жизнь” не имеет в нем вариантов, как, например: “жизнь” в (*awa*) *to aldrefeorh*, что, вероятно, обусловлено его взаимосвязью с глаголом *libban*, выражавшим общий смысл существования или бытования. Идея настоящего передается в поэме “Елена” наречным по значению сочетанием *of þysne dæg*, в котором утрачено существительное со значением “жизнь”, но сохраняется дейктическое местоимение, которое затем выпадает и все сочетание преобразуется в *to dæg* в “Церковной истории англосаксов”.

Нетрудно заметить, что этот способ передачи значения настоящего времени лишен как языческой, так и христианской мифологизации в противоположность прошлому и, отчасти, будущему. В этом заключается важная сторона манифестации архаичных представлений о времени в древнеанглийском языке в целом. Мифологизированные концепты времени составляли ядро в общей системе понятий времени, рядом с кото-

рым, но независимо от него, существовала периферия, понятийно сцепленная с последовательной событийностью как основной координатой времени – предшествование/непредшествование. Центральными элементами темпоральной периферии в древнеанглийском были наречные образования *ær* “раньше”, относившее события к прошлому, к тому, что предшествовало, *sip* (*þan*) “позже, в будущем” и *nu* “ныне” очерчивавшие те события, которые непредшествовали и потому имели место в настоящем или будущем. Основной концептуальный параметр – предшествование/непредшествование – был логически детерминирован, но был идеологически свободен; знаковые комплексы *ær*, *nu*, *sip* существовали вне какой-либо культурно-языковой парадигмы и в широком плане они демонстрируют на лексико-грамматическом уровне общую тенденцию эволюции способов выражения понятийной категории времени в древнеанглийском языке: ...*Hwæt hyt ær on þe ll gode begeaton...* (Beo: 2248–2249) “Воистину, его (клад) раньше в тебе доблестные добыли”; *Ne wæs þa forma sip, ll þæt he Hroþgares ham gesohte ll næfre he on aldordagum ær ll ne sipþan ll herdran hæle [scipes] healþegnas fand* (Beo: 716–719) “Не в первый раз наведывался он в дом Хродгара. Никогда в дни жизни раньше, ни потом не находил он героя сильного мужеством”; *þuhte him wlitescyne on weres hade ll hwit hiwbeorht hæleþa nahtwylc ll seywed ænlicra þonne he ær opþe sip ll ge-sege under swegle* (El: 72–75) “Ему привиделось прекрасное видение в образе человека явилось светлым и сияющим, более прекрасное по облику, чем он прежде или затем видел под небесами”.

Основные выводы, вытекающие из представленного материала и его анализа, сводятся к следующему. Языковая манифестация представлений о времени в древнеанглийском языке обусловлена определенной культурно-языковой парадигмой, неразрывно связанной с особенностями мировоззрения языкового сообщества. В героической парадигме лексико-семантическая область прошлое – настоящее – будущее явно смещена в сторону прошлого; содержание темпоральных знаковых комплексов при общности исходной семантической мотивировки концептуально диверсифицировано. Совершенно очевидно, что основа языковой ткани “прошлого”, состоящая из пространственного и начального семантического признаков, “прошита” смыслами героической предназначенности, почитаемости и уважения, которые следует рассматривать как конденсивные потенции слова, зависящие от материального и духовного опыта отдельного человека и всего языкового коллектива, их способностью “извлекать ассоциации из запаса этого опыта” [Лихачев 1997: 282]. Образопорождающая функция футуральных знаковых комплексов значительно беднее и она полностью отсутствует у комплексов, актуализирующих идею настоящего времени. Выражение значений “прошлое” – “настоящее” – “будущее” на основе префиксальных моделей соотносится с сужением содержания темпоральных единиц за счет обеднения их концептуальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахундов М.Д. 1982 – Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
 Бабаева Е.Э. 1998 – Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова. // ВЯ. № 3. 1998.
 Вернадский В.И. 1975 – Размышления натуралиста. Кн. I: Пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1985 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Сравнительно-исторический и типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, Т. II. 1984.
 Гуревич А.Я. 1971 – Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.
 Гуревич А.Я. 1972 – Категории средневековой культуры. М., 1972.
 Гуревич А.Я. 1990 – Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
 Кравченко А.В. 1996 – Когнитивные структуры пространства и времени в естественных языках // ИАН СЛЯ. 1996. № 3.
 Кубрякова Е.С. 1997 – Язык пространства и пространство языка. (К постановке проблемы) // ИАН СЛЯ. 1997. № 3.

- Лихачев Д.С. 1997 – Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997.
- Лотман Ю.М. 1978 – Динамическая модель культуры // Труды по знаковым системам. Х. Тарту, 1978.
- Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маковский М.М. 1997 – Язык – миф – культура. М., 1997.
- МНМ 1980 – Мифы народов мира. М., Т. 1–2, 1980.
- Осинов А.И. 1978 – Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск, 1978.
- Перишина Н.А. 1975 – Индоевропейские этимологии, отражающие взаимосвязи пространственных и временных представлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Проскурин С.Г. 1990 – Древнеанглийская пространственная лексика: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Смирницкая О.А. 1977 – Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
- Смирницкая О.А. 1990 – *Sið Beowulfes*: границы культурной лексики в древнеанглийском эпосе // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. М., 1990.
- Стеблин-Каменский М.И. 1971 – Мир саги. Л., 1971.
- Топорова Т.В. 1994 – Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
- Успенский Б.А. 1994 – История и семиотика // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика Культуры. М., 1994.
- Фрейденберг О.М. 1978 – Миф и литература древности. М., 1978.
- Цивьян Т.В. 1990 – Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Шервуд Е.А. 1988 – От англо-саксов к англичанам. М., 1988.
- Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Bosworth J., Toller T.N. 1954 – An Anglo-Saxon dictionary. V. 1–2. Oxford, 1954.
- Bull W.E. 1960 – Time, tense and the verb. Berkeley Los-Angeles, 1960.
- Cleasby R. 1957 – An Icelandic-English dictionary. Oxford, 1957.
- Dombrowszky J. 1979 – Time and etymology: the category of time reflected in IE etymologies // Studia Slavica Academia Hungaricae. 1979. V. 25.
- Gundlach J. 1966 – “Raum” und “Zeit” im sprachlichen Ausdruck einer Mundart // Fortschritte und Forschungen. Bd. 60. 1966.
- Jankowsky K. 1982 – On OE time concepts and their Germanic and IE cognates // Festschrift für Karl Bader/Hrsg. von E. Jankowsky. Amsterdam, 1982.
- Lehmann W.P. 1986 – A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
- NED 1914 – A new English dictionary on historical principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society / Ed. by J.A.H. Murray. Oxford, V. VIII. Pt. II. 1914.
- TM 1936 – Time and its mysteries. New York, 1936.
- Traugott E.C. 1975 – Spatial expressions of tense and temporal sequencing: a contribution to the study of semantic fields // Semiotica. 1975. V. 15. № 3.
- TSP 1971 – Time in science and philosophy. Prague, 1971.
- VT 1966 – The voices of time. A cooperative Survey of man's views of time as expressed by the sciences and the humanities. New York, 1966.
- Vries J. de 1959 – Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1959.
- Wierzbicka Anna 1973 – In search of semantic model of time and space // Generative grammar in Europe. Dordrecht, 1973.